

Некоторые особенности литературной сказки в когнитивном аспекте

© А.В. Брандаусова, 2005

«Сказка, один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение с установкой на вымысел. Сказкой называют различные виды устной прозы, отсюда разноречивость в определении ее жанровых особенностей. От других видов художественного эпоса сказка отличается тем, что сказочник рассказывает ее, а слушатели воспринимают прежде всего как поэтический вымысел, игру фантазии. Это, однако, не лишает сказку связи с действительностью, определяющей идейное содержание, язык, характер сюжетов, мотивов, образов»¹, – таково одно из общепризнанных определений сказки, данное еще советским литературоведением.

Сегодня принято считать, что семантика конкретного речевого произведения включает в себя несколько слоев, начиная от лексико-грамматических и семантико-синтаксических значений и кончая коммуникативно-прагматическим и когнитивным содержанием. Развитие когнитивной лингвистики дает нам возможность по-новому посмотреть на изучение сказки, как на определенную модель фоновых знаний человека о мире, о повседневной жизни, как на источник, в котором сконцентрированно представлен опыт, специфика культуры народа.

Еще В. Гумбольдт указывал на прочную связь языка с окружающим человека миром: «Человек преимущественно – даже и исключительно, поскольку ощущение и действие его зависят от его представлений, – живет с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает язык внутри себя, он вплетает себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира; до известной степени фактически так дело и обстоит, поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений определенной части человечества»².

¹ Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 383.

² Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. С. 80.

В этом аспекте сказка, как самая первая и древнейшая форма образования, является той призмой, сквозь которую мы оцениваем явления действительности, определенной моделью поведения, которой руководствуется человек.

Как один из видов фольклора сказка была известна с давних времен, однако первоначально сказки отнюдь не предназначались специально для детей – дети слушали их вместе со взрослыми. Сказка далеко не сразу завоевала свое законное место в детской литературе. Хотя первые книги, изданные для детей, были появившиеся в XVIII веке сборники сказок, в эпоху Просвещения сказки не «рекомендовались» для детского чтения, поскольку считалось, что книги для детей должны прежде всего быть поучительными и информативными. Лишь в первой половине XIX века это мнение постепенно стало вытесняться другими, и полезность книги в ущерб ее занимательности перестала считаться основным достоинством в детской литературе. XIX век стал периодом признания сказки. В это время не только появилось огромное количество англоязычных народных сказок в обработке для детей (например, Эндрю Лэнга и Джозефа Джекобса в Англии и Говарда Пайла в США), но и были изданы первые литературные (авторские) сказки. Англоязычные писатели всегда пользовались признанием по всему миру. Например, такие замечательные авторы, как Дж. Барри, А. Милн (Англия), Доктор Сьюз, М. Сендак (США). А англичанка Дж. Роллингз в век компьютеров и телевидения завоевала сердца читателей по всему миру и вновь усадила детей за книги. Следует отметить, что взрослая часть населения нашей планеты также не осталась равнодушной к ее творчеству. Дебаты о причинах популярности литературных сказок этой писательницы до сих пор продолжают. Действительно, эти произведения представляют собой плодотворную почву для исследований в разных областях науки: от литературоведения до богословия.

В настоящее время одни сказки продолжают свою жизнь в книге, другие уходят из народного быта либо становятся достоянием детей, третьи продолжают интересовать взрослых слушателей. Они постоянно привлекают внимание писателей, широко использующих сказочные образы, темы и сюжеты.

То обстоятельство, что сказка составляет в настоящее время неотъемлемую часть детской литературы, в значительной степени объясняется тем, что «ее синтаксический и стилистический строй отвечают детскому строению мысли»³, то есть тем, что она как по содержанию, так и по стилю соответствует особенностям когнитивного познания. Для сказок типичен простой сюжет, отсутствие затягивающих действие описа-

³ Астафьева И.М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1963. С. 14.

ний, многочисленные повторы. У сказок несложное начало, в них даются только факты, необходимые для развития действия, и очень быстро наступает развязка.

Литературная сказка, особенно современная, следуя традициям народной сказки, не только развивает их, но и вносит много нового в наши представления о ней. Например, наряду с короткой сказкой появляются длинные, многоходовые сказки с большим числом действующих лиц, сказки, не всегда подчиняющиеся так называемому закону хронологической несовместимости, согласно которому в фольклоре не бывает двух театров действия в разных местах одновременно. Сказки усложняются, часто превращаются в сказочные повести или сочетают в себе признаки других жанров.

Развитие сказочной традиции происходит теперь не столько в рамках фольклора, сколько в рамках детской литературы, так как в наше время авторские сказки, за немногими исключениями, создаются специально для детей. Отсюда возникает новая взаимосвязь между сказкой и детской литературой.

Литературная сказка, возникающая на основе народной сказки, не укладывалась в рамки эпического фольклорного жанра с его вполне устойчивой структурой (повторяющийся зачин, персонажи, характеры и приёмы повествования, типичная концовка) и определенными типами художественного содержания (богатырские, волшебные, бытовые и др. сказки). Создавая сказку, художник абсолютно свободен и в моделируемом им мире могут органично переплетаться множество других миров. Поэтому литературная сказка синтезирует элементы других эпических жанров — романа, повести, рассказа, новеллы, превращаясь в универсальный жанр, она выходит за пределы традиционной национальной сказки, обращаясь к сказочно-мифологическому наследию народов мира, переосмысливая и переакцентируя его. Отсюда возникают проблемы, связанные с типологическим изучением жанра литературной сказки. Давая определение литературной сказки, необходимо учитывать различные тенденции ее понимания наукой, выявить наиболее характерные черты, отличающие ее от народной. Ведь литературная сказка часто прямо или косвенно связана с фольклорными источниками, поэтому большой интерес приобретает проблема взаимодействия между ними, — как, например, литературная сказка, опираясь на народную и одновременно отталкиваясь от нее, утверждает свою индивидуальность. Существуют различные методы исследования и классификации фольклорных сказок (Пропп, Афанасьев, Грундтвич), которые так или иначе применялись к литературной сказке.

В некоторых случаях эти попытки были успешными, но зачастую они не в состоянии описать всю многоплановость этого интереснейшего жанра.

В последние годы особенно большое внимание уделяется лингвистике антропологической, в рамках которой язык является системой, формирующейся под влиянием нейрофизиологического устройства человека и тесно связанной с его мышлением, его знаниями, его представлениями о мире. В результате этого внимание лингвистов концентрируется на когнитивных аспектах языка. Одним из постулатов когнитивизма, является вопрос об общности знаний как человека, порождающего текст, так и человека, на которого этот текст ориентирован. Человек должен рассматриваться как система переработки информации⁴ и до известной степени отождествляться с машиной, например компьютером. Как и компьютер, человек принимает и перерабатывает информацию и на этой основе у него появляется возможность адекватно реагировать на возникающие в реальной жизни ситуации. Свойство этой «машины» – усвоение, переработка и передача опыта.

Достижение этой цели непосредственно связано с использованием языка, который является не только важнейшим средством человеческого общения, но и хранилищем знаний. В этом смысле легенды, сказания, сказки как народные, так и современные заключают в себе прошлый познавательный опыт народа, говорящего на данном языке, а также общечеловеческие знания в целом. Они же используются и для того, чтобы выразить новый познавательный опыт. Сказка, будучи непосредственно связанной с предметным миром человека, с его социально-историческим опытом и культурно-национальными особенностями говорящего на данном языке народа, способна, по всей видимости, отражать определенную картину мира: а именно, стихийно складывающееся, закрепленное в обыденной практике представление о внешнем мире. Каждое полнозначное слово фиксирует кусочек человеческого опыта, информации.

Язык призван служить средством материализации мысли, поскольку языковые знаки отражают деятельность человека, обобщая и вычлняя необходимое и существенное, образуя новые понятия. Язык не только антропоцентричен, но и национально специфичен. При этом в языке отражаются как особенности природных условий или культуры, так и своеобразие национального характера его носителей⁵.

Интерпретация текстов различных видов литературной сказки может быть более продуктивной с использованием методов когнитивной мо-

⁴ Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. №4. С. 17-33.

⁵ Вежебицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Прогресс, 1996. С. 231.

дели понимания текста, которая делает акцент на том, каким образом формируются его элементы, как пользуется ими человек для выражения того или иного смысла, в каком контексте они употребляются и какую роль эти элементы играют в структуре. «Когнитивные принципы организации информации связаны также с большей или меньшей степенью приверженности текста к его прототипическому образцу. Некоторые тексты можно определить как более типичные представители жанра – прототипные, другие как менее типичные – периферийные. Согласно данному подходу, специфические, повторяющиеся в текстах черты, определяют степень прототипности конкретного примера в определенном жанре. Жанр рассматривается как когнитивная модель, схематичная репрезентация наиболее типичных черт присущих текстам данного жанра»⁶. Знание об определенном жанре закреплено в культуре в виде готовой модели, схемы. Схема понимается как организация представлений, хранимых человеком в его памяти человеком, структура данных для представления стереотипных ситуаций.

Что касается сказки народной, то эта схема включает «устоявшиеся инициальные и финальные формулы, неопределенность хронологических и топографических формул, троичность, ступенчатость, отсутствие подробных описаний природы, духовной жизни героев»⁷. Когда мы говорим о сказке литературной, то этот набор жанровых правил ассоциируется с интертекстуальными схемами. Любой узнаваемый элемент текста сказки сопоставляется с информационным тезаурусом читателя, и далее читатель программирует возможный сценарий развития сюжета. Например, стереотипный сказочный зачин «Once upon a time...» подразумевает что, во-первых, описываемое событие происходит в неопределенную, не историческую эпоху; во-вторых, что описываемое событие нереально; в-третьих, то, что говорящий хочет рассказать вымышленную историю, сказку.

Ввод в данную стереотипную модель новой информации позволяет предсказать возможный тип повествования: каким будет этот вымысел? *Once upon a time, a very long time ago now, about last Friday...* (Milne A. "Winnie-the-Pooh") – традиционный зачин получает уточнение, которое противоречит его смыслу. Это довольно распространенный стилистический прием – *bathos*, помогает идентифицировать сказку как юмористическую. В языковом плане временная и локальная неопределенность

⁶ Прохорова Л.П. Типологическое изучение жанра литературной сказки в когнитивном аспекте // XXII Дульзоновские чтения: Материалы Междунар. Конф. 19-20 июня 2000. –Томск, 2000. С. 89.

⁷ Прохорова Л.П. Типологическое изучение жанра литературной сказки в когнитивном аспекте// XXII Дульзоновские чтения: Материалы Междунар. Конф. 19-20 июня 2000. –Томск, 2000. С. 90.

выражается через взаимодействие лексических и грамматических средств категории определенности/неопределенности: в русском языке это: «однажды», «давным-давно», «много лет назад».

Картина, которую создает автор, становится тем ярче и индивидуальнее, чем дальше уходит он от схемы прототипа. Тем сложнее интерпретировать произведение этого автора в рамках определенного жанра.

В.Е. Гусев пришел к выводу о том, что основными жанровыми особенностями сказки являются «отражение социального или бытового конфликта и фантастический вымысел». По мнению В.Е. Гусева, общепринятым остается деление сказок на: 1) сказки о животных, 2) волшебные и 3) бытовые⁸/ «Концептуальная картина мира, сохраненная в тексте народной волшебной сказки, принципиально дуалистична. В ней есть два полюса миропорядка: фантастический (мифологический) и стихийно-реалистический. Таким образом, сказка как особый образ мира существует в симбиозе трех принципиально различных картин мира: мифологической, стихийно-реалистической и сознательно-нереалистической»⁹.

Восприятие текста и мира зависит не только от объективных факторов, но и от индивидуальных особенностей человека. Следствие этого — преувеличение того или иного из вышеперечисленных компонентов сказочной картины мира. Гипеболизация мифологической составляющей приводит к утверждениям о том, что сказка будто бы застывший и иррациональный жанр. Переоценка роли реалистической составляющей приводит к преувеличению истинных масштабов ее социальной направленности. Увлечение сознательно-нереалистическим характером сказочного мира — причина упрощенного толкования сказки, как чисто развлекательного жанра. При проведении междисциплинарного анализа текста сказки необходимо учитывать сведения о сказочном тексте, известные из фольклористики, этнолингвистики, лингвистике текста, истории языка, истории литературы, психоллингвистики.

Многие рутинные когнитивные функции осуществляются человеком автоматически, ненамеренно, неосознанно. Наш мозг функционирует почти как большая корпорация. Представитель исполнительной власти — наше контролируемое сознание — уделяет внимание наиболее важным или новым вопросам и переадресует рутинные дела подчиненным. Такое делегирование ресурсов внимания дает нам возможность реагировать на многие ситуации быстро, эффективно, интуитивно, не тратя времени на обдумывание и анализ.

⁸ Гусев В.Е. Эстетика фольклора. — Л., 1967. С. 125.

⁹ Гронская О.Н. Анализ сказочного текста (к проблеме языковой картины мира) // Междисциплинарная интерпретация художественного текста. — СПб.: Образование, 1995. С. 39.

В этом контексте сказка может являться готовым набором жизненных принципов, передающихся из поколения в поколение в пределах одной языковой группы. Сказку можно рассматривать, как готовый шаблон для оценки, суждения о других людях. Первую социальную информацию мы получаем именно из сказок. Вся последующая информация, полученная нами, будет обрабатываться и оцениваться сквозь призму ранее накопленной.

Приведем простейший пример. Как известно, сказка о трех поросятах на русском и на английском языках имеет некоторые различия. В русском варианте поросята начинают строить домики под угрозой наступления холодной осени. В английском же варианте: “Three little pigs grew so quickly that one day their mother told them, ‘You are too big to live here any longer. Go and build houses for yourself. But take care that the wolf doesn’t catch you and eat you’”¹⁰. Для русскоговорящих детей этот поступок мамы не только непонятен, но и оценивается резко негативно. А ведь в действительности «в Англии сама идея о том, чтобы несколько поколений жили под одной крышей, представляется обычно несовместимой с обычаями семейной жизни»¹¹. Английские дети обычно рано становятся самостоятельными: снимают квартиру вместе со своими ровесниками, работают, живут независимо от родителей. В. Овчинников в своей книге «Сакура и Дуб» приводит цитату из книги испанского писателя Паоло Тревеса «Англия – таинственный остров»: «Вся система английского мышления, вся система образования вращается вокруг центрального принципа одиночества. Чуть ли не с шестилетнего возраста англичанин становится одиноким – вместе с другими, это верно, но одиноким, отдаленным от своей семьи в школе или колледже на все время, кроме каникул. И когда он возвращается домой через пятнадцать или двадцать лет с дипломом Оксфорда или Кембриджа, он, естественно, хочет вновь уехать как можно скорее, чтобы жить своей собственной жизнью. Иными словами, чтобы продолжать быть одному»¹². В этом смысле пример из сказки о трёх поросятах помогает понять характер англичан, снабдить изучающего английский язык необходимой информацией об их жизненном укладе.

Сказка, как форма интерпретации действительности, будет влиять на наши убеждения всю жизнь.

Способность выучить язык другого человека и понять культуру другого народа, в тоже время, храня верность собственным культурным традициям, является лишь началом сложнейшего процесса свободного взаимного проникновения между несколькими языками и культурами,

¹⁰ The Three Little Pigs. L., Penguin, 2000. P. 2.

¹¹ Овчинников В. Сакура и дуб. – М.: Дрофа, 2004. С. 311.

¹² Овчинников В. Сакура и дуб. – М.: Дрофа, 2004. С. 317.

который называется кросскультурной коммуникацией. В настоящее время одной из важнейших задач современной методики преподавания иностранного языка является поиск возможностей понять другого человека по другую сторону границы, выучив его язык. В этом контексте сказка является важной первичной информацией, которая влияет на формирование основных фоновых знаний.

Анна Вежбицкая предлагает понятие «понимания культур через посредство ключевых слов». Основные положения, развиваемые в книге А. Вежбицкой, заключаются в том, что разные языки существенно различаются в отношении своего словарного состава и эти различия отражают различия ядерных ценностей соответствующих культурных общностей. В своей книге А. Вежбицкая предполагает, что всякая культура может быть исследована, подвергнута сопоставительному анализу и описана при помощи «ключевых слов» языка, обслуживающего данную культуру. Теоретическим фундаментом этого анализа может служить «естественный семантический метаязык», который реконструируется на основе широких сопоставительно-языковых исследований. А. Вежбицкая рассматривает ключевые слова как ядерные ценности культуры. Примером может служить модель «дружбы» в разных культурах. А что, если рассматривать процесс понимания культур через посредство ключевых сказочных сюжетов? Известный ученый, психотерапевт Эрик Берн в своей книге «Games people play. The psychology of human relationships» писал о том, что мы совершаем многие поступки в соответствии с определенными жизненными установками, сценариями, усвоенными в детстве. Некоторым из таких сценариев он присваивал названия известных сказок («Золушка», «Спящая красавица» и т.д.). Одна из основных идей здесь состоит в том, что гигантский объем информации, передаваемый от родителей к новым поколениям, может быть передан в относительно простой схеме. Можно предположить, что этот процесс трансформации субъективных взглядов, теоретических представлений в объективную реальность может быть выражен в форме сказки, поскольку и в повседневной жизни мы можем легко найти аналогии персонажам из многих сказок. Волшебная сказка часто может связать воедино рассказанные человеком события его жизни. Эта техника используется психотерапевтами. Если же попытаться дать определение сказке в терминах когнитивистики, то мы можем предположить, что сказка в этом контексте является своеобразной картиной мира, сценарием или сценарным фреймом, поскольку для сценариев характерна стандартная последовательность событий. «Сценарий может быть использован либо поведенчески, либо когнитивно: в первом случае человек реально проигрывает его, строя

свое поведение в соответствии с конкретным сценарием; во втором — мысленно, например, интерпретируя текст»¹³.

В этом контексте для нас важно то, что с помощью синтеза научных идей, зародившихся в философии, этнографии, социологии, психологии и языкознании мы можем по-новому взглянуть на столь древний процесс передачи информации, как сказка.

Л и т е р а т у р а

1. Литературный энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1987.
2. *Астафьева И.М.* Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование: Автореф. дисс. ... филол. наук. — М., 1963. С. 14.
3. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской литературы, 2001. С. 7.
4. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. — М.: Прогресс, 1996. С. 231.
5. *Гронская О.Н.* Анализ сказочного текста (к проблеме языковой картины мира) // Междисциплинарная интерпретация художественного текста. — СПб.: Образование, 1995. С. 37-43.
6. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 7-33.
7. *Добротницкая Т.В.* Стилистико-синтаксические особенности английской детской литературной сказки: Автореф. дисс. ... филол. наук. — М., 1980.
8. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. — М., 1984. С. 80.
9. *Гусев В.Е.* Эстетика фольклора. — Л.: 1967. С. 125.
10. *Макаров М.* Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003. С. 153.
11. *Овчинников В.* Сакура и дуб. — М.: Дрофа, 2004. С. 311-317.
12. *Прохорова Л.П.* Типологическое изучение жанра литературной сказки в когнитивном аспекте // XXII Дульзовские чтения: Материалы Междунар. Конф. 19-20 июня 2000. — Томск, 2000. С. 90
13. *Филлипов К.А.* Лингвистика текста. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. С. 253-254.
14. *Berne E.* Games People Play: The psychology of human relationships. — Penguin Books, 1999.
15. Oxford concise dictionary of Literary Terms / C. Baldick. — Oxford University press, 2004.
16. *Kramsch C.* Language and Culture. Oxford Introductions to Language Study / Series Editor H.G. Widdowson. — Oxford University Press, 2003. P. 81.

¹³ *Макаров М.* Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003. С. 157.